

Ведьмы из Варбойс

Весьма странное и удивительное разоблачение
ТРЕХ ВЕДЬМ ИЗ ВАРБОЙС,
обвиненных, осужденных и казненных на послед-
нем заседании Выездного суда в Хантингдоне
за то, что колдовством обрекли пять дочерей
Роберта Трокмортон, эсквайра, и разных других
особ на всевозможные тяжкие дьявольские
мучения, а также за то, что колдовством
обрекли на смерть леди Кромвель,
подобное же неслыханно
было в нашем веке.

Лондон,
1593

ЛИМБУС ПРЕСС

Неизвестный автор

Ведьмы из Варбойс.

Хроники судебного процесса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54097541

Ведьмы из Варбойс: хроники судебного процесса:

ISBN 978-5-8370-0755-2

Аннотация

Книга написана по горячим следам судебного процесса 1593 года над двумя женщинами, обвиненными в колдовстве, и призвана убедить современников в справедливости предъявленных обвинений. Это детальный отчет о так называемом «деле варбойских ведьм», начинающийся с первых подозрений, вызванных капризом девятилетней девочки, и окончившийся казнью через повешенье. Подробность и точность описания симптомов на многие годы превратила эту книгу в учебник по имитации одержимости. Настоящее издание снабжено обширным комментарием и послесловием переводчика. Автор предлагает читателю подробный рассказ о предпосылках и последствиях «охоты на ведьм», о других значительных процессах того времени, о «благородных» авторах навета и его несчастных жертвах.

На русском языке издается впервые.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Достопочтенному господину Эдварду Феннеру, одному из судей в Суде скамьи Ее Величества[1]	5
Читателю	7
Часть 1	8
Вступление	8
Свидетельства Гилберта Пикеринга	17
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ведьмы из Варбойс: хроники судебного процесса

© ООО «Издательство К. Тублина», 2020

© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2020

© А. Веселов, оформление, 2020

Достопочтенному господину Эдварду Феннеру, одному из судей в Суде скамьи Ее Величества¹

В наши времена, Достопочтенный господин, когда каждый беспечный разум стремится блеснуть своей суетностью, следует немало заботиться о предотвращении издания пустяковых книжонок, сокращении бесполезных писаний, равно как и о наставлении читателей в делах житейских. Но, помимо этих почтенных забот, были у Вас еще и такие, как содействие утверждению справедливости обвинений в данном деле, и председательство в суде над злодеями, о чем из уважения следует упоминать в изданиях повсеместно – пусть вскользь или даже невзначай: так что у меня не было сомнений в том, чтобы дерзостно искать покровительства и снисхождения Вашей чести, поскольку Вы, предприняв исключительные усилия в искусном исполнении своей работы, были так благоразумны при расследовании и при осуждении этих отвратительных преступников, что, полагаю, могли бы при

¹ Эдвард Феннер (Fenner; ум. 1612) – активный парламентарий в 1571–1572 гг., впоследствии известный юрист. Служил мировым судьей в Суррее, а с 26 мая 1590 г. – один из судей королевской скамьи. Суд королевской скамьи (*court of king's (queen's) bench*) – верховная инстанция королевского суда в Англии, выделившаяся в XII в. из королевского совета.

публикации сведений о том деле в пример другим столь же
благоразумно соизволить простить нам нашу смелость.

Читателю

Наконец, после долгих приготовлений, уважаемый читатель может обозреть это примечательное судебное расследование и свидетельства о Сэмуэле, его жене, дочери и разнообразном их колдовстве в Хантингдоншире. Причины столь долгой отсрочки были вполне уважительными, поскольку ничего нельзя было упустить из совершенного ими, но все следовало тщательно представить в деталях, чтобы не допустить ни малейшей неточности. Такие заботы существенно улучшили этот труд, и теперь он напечатан для вас, тех, кто, как я полагаю, найдет это дело настолько удивительным, насколько позволяют наши времена.

Часть 1

Мамаша Сэмуэл

Вступление

Честный и подробный обзор известной части колдовских деяний *Джона Сэмуэла*, отца, *Элис Сэмуэл*, матери, и *Агнес Сэмуэл*, их дочери, в Варбойс в графстве Хантингдон, в отношении пятерых дочерей Роберта Трокмортонна из того же города и графства, эскавайра², и некоторых других домашних слуг, которые пребывали в том доме, всего числом двенадцать.

Ноябрь, 1589.

* * *

Около 10 ноября, что было в 1589 году, мисс Джейн, одна из дочерей упомянутого господина Трокмортонна, будучи почти десяти лет от роду³, внезапно впала в странную болезнь

² Роберт Трокмортон (Throckmorton; 1551–1633) – помещик в Хантингдоншире, владелец имений Варбойс и Эллингтон.

³ Приходская книга Варбойс отмечает крещение Джейн Трокмортон, дочери Роберта Трокмортонна, в четверг 21 августа 1580 г. Фактически 10 ноября 1589 г.

и ослабла телом, как описано далее.

Иногда она очень громко чихала непрерывно на протяжении целого получаса; а потом столько же лежала неподвижно в совершенном трансе и обмороке; затем начинала раздувать и вздывать свой живот с такой силой, что никто не мог ее ни унять, ни удержать; иногда же она трясла ногой или какой-то другой частью тела, будто в конвульсиях; а то иначе: встряхнет одной рукой, потом другой, а затем головой, будто зараженная перемежающейся судорогой. Это продолжалось в течение двух или трех дней, после чего дом господина Трокмортонна, чтобы навестить больного ребенка, в числе других соседей посетила вышеупомянутая Элис Сэмуэл, проживающая в следующем к северу доме от упомянутого господина Трокмортонна⁴. Когда она вошла в гостиную, девочка сидела у очага на руках у другой женщины. Там же были ее бабушка и мать. Старуха направилась к огню и присела рядом с малышкой, весьма от нее близко. Она была там совсем недолго, но с ее появлением ребенку сразу стало заметно хуже, и внезап-

ей было 9 лет и 3 месяца.

⁴ Элис Сэмуэл (Alice Samuel) родилась, вероятно, в поселке Апвуд, соседствующем с Варбойс. Местная приходская книга сохранила запись о ее браке с Джоном Сэмуэлом в 1561 г. Судья Феннер утверждал, что в 1593 г. ей было около 80 лет, то есть родилась она ок. 1513 г., а замуж вышла в 48 (см. С. 181). Это, конечно, мог быть ее второй брак, но в то же время их незамужняя дочь в 1593 г. названа девушкой (maid), то есть ей не более 25–26 лет – среднестатистический возраст для брака в Англии в то время. Филип Олмонд считает, что такие наблюдения позволяют предположить, что на самом деле Элис Сэмуэл в 1593 г. было ок. 57 лет (Almond 2008. P. 17).

но он закричал, указывая на упомянутую мамашу Сэмуэл и требуя от бабушки посмотреть туда, где сидит старая ведьма: «Видела ли ты кого-то более похожего на ведьму, чем она?! Сорвите с нее этот черный ворсистый чепчик [thumb'd cap]⁵, мне невыносимо ее видеть!» Мать девочки, ничего (как впоследствии выяснилось) не заподозрив, была очень рассержена на дочь и упрекала ее за такие слова. Решив, что это могло быть результатом некоторой легкомысленности в сознании ребенка из-за частого чихания и желания спать, она забрала ее и уложила в кровать, занавесив окна и надеясь тем самым склонить ко сну. Однако многие беспокойства вынудили их

⁵ Здесь thumb'd cap. Хатчинсон писал о «black knit Cap» (Hutchinson 1718. P. 102). Олмонд понимает здесь black-knitted cap, то есть «черную вязаную шапку». Он считает, что ребенка поразило не то, что головной убор был необычной формы, а то, что он был черным, цвета, вызывающего страх. Австралийский исследователь полагает, что Элис Сэмуэл должна была носить чепец одной из разновидностей («muffin cap» или «bag hat»), но, скорее всего, у нее был некий поварской колпак («a cook's hat»), который представлял собой широкую полосу ткани, обернутую вокруг головы и скрепленную лентой. Она была украшена черным – trimmed in black (Almond 2008. P. 16). Однако в тексте трижды thumb'd cap [C. 16, 106], что более всего напоминает thrummed cap, то есть шапку, связанную ворсом наружу, ворсистую. Кроме того, далее в тексте отмечено, что «чепец такого рода она действительно обычно носила» (which kind of cap indeed she did usually weare) [C. 16]. Думается, что kind of cap – это указание на вид головного убора, а не на его цвет. Так, далее в тексте бесенок Блю кувывается в «старом дамском ворсистом чепчике» (dames old thumb'd cap) и цвет его не отмечен. Хотя у авторов черный цвет определенно несет негативную характеристику. Ср. показания Гилберта Пикеринга: «А при упоминании дьявола, мамыши Сэмуэл или другого черного слова, которое сохраняет этот цвет, как сатана...» (*And at the naming of the devill, Mother Samuel, or any such black word, that keepeth the colour, as satan...*) [C. 48].

еще долго усмирять и успокаивать дитя. Старуха, слушая все это, сидела тихо и не вымолвила ни слова, только выглядела очень огорченной, как впоследствии вспоминали свидетели.

Ребенок и далее продолжил болеть подобным образом. И стало ему скорее хуже, чем лучше, а потому через пару дней родители решили отправить детскую мочу в Кембридж к доктору Барроу, человеку, хорошо известному выдающимися навыками врачевания⁶. В ответе тот сообщил, что не обнаружил никаких причин недуга, кроме того, что девочку могли беспокоить глисты, для чего приложил соответствующее лекарство. Но лучше ей не стало. Тогда через два дня родители снова послали к тому же доктору, более детально описав характер припадков. Он ответил, что и полученная в этот раз моча не обнаруживает никаких признаков заболевания в теле ребенка, и что он гарантирует отсутствие у нее падучей болезни, которую заподозрили родители. К этому доктор добавил другие предписания, которые счел полезными для очистки ее тела. Но они не дали никаких результатов и никак не повлияли на улучшение самочувствия девочки. Желая прояснить, как предписания доктора должны

⁶ Филип Барроу (Barrow или Barrough), выпускник Кембриджа, с 1559 г. имел лицензию хирурга, а с 1572 г. – врача. Считался прогрессивным сторонником экспериментальной медицины Парацельса. В 1583 г. опубликовал монографию «Медицинская методика, включающая причины, симптомы и способы лечения внутренних болезней человеческого тела от головы до ног» (*The Methode of Physicke, conteyning the Causes, Signs, and Cures of Inward Diseases in Man's Body from the Head to the Foote*), выдержавшую к 1652 г. десять переизданий.

подействовать, родители послали к нему в третий раз, сообщив, что ничего не произошло из того, что он предполагал, и что с пациентом не случилось никаких изменений. В связи с этим господин Барроу снова рассматривал мочу и заключил, что детское тело находится в хорошем состоянии (как он тогда говорил чуть ли не обо всем увиденном), спросив, не подозревается ли магия или колдовство в отношении ребенка. Ответ был получен «нет». Тогда он сказал, что все, конечно, не могут быть всегда в добром здравии, но никак нельзя предположить, чтобы тело этой девочки ослабло естественным путем, как они описали, чему нет ровным счетом никаких признаков в ее моче, и что для большей уверенности посыльный может справиться у любого другого сведущего человека в городе, что он и советует, и будет, как подчеркнул, очень рад этому. Затем посыльный отправился к господину Батлеру⁷, который, рассмотрев мочу и выслушав о симптомах детского недуга, сказал, что допускает, что это могут быть глисты, которых, однако, нельзя определить по этой моче, и что если речь действительно о глистах, то это очень странная разновидность вызываемого ими заболевания. Он назначил те же лекарства и лечение, что и прежде

⁷ Уильям Батлер (Butler; 1535–1618) учился в Клэр Холл в Кембридже, где с 1572 г. остался преподавать. С того же времени получил врачебную лицензию. Не имея докторской степени, приобрел репутацию эксцентричного пьяницы и «величайшего медика своего времени». При Якове I стал придворным королевским врачом. См. о нем: Aubrey 1898. P. 138–144; Kittredge 1929. P. 302; Boss 1977.

доктор Барроу. Но, следует признать, их не стали применять к ребенку, так как еще господин доктор Барроу сказал, что если господин Трокмортон (которому, как он тогда заявил, в связи с давним знакомством желает только добра) последует его совету, то не должен далее бороться с этой болезнью врачеванием и тратить на него деньги: поскольку, как он сообщил, у него есть определенные представления о злых кознях неких ведьм, и он полагает, что по отношению к этому ребенку как раз имели место магия и колдовство.

После такого ответа доктора Барроу господин Трокмортон решил положиться на милость Божью и не пытаться более помочь своей дочери лекарствами. Но все же он сам и его жена были далеки от подозрений в колдовстве, о котором говорил господин Барроу, до тех пор, пока спустя месяц – почти в тот же день и час – две другие их дочери, старше упомянутой на два и три года соответственно⁸, впали в то же расстройство, что у их сестры, и начали кричать на мамашу Сэмуэл: «Уберите ее! Смотрите, вот она стоит перед нами в черном ворсистом чепчике (чепец такого рода она действительно обычно носила, но тогда его не было). Это она околдовала нас, – вопили дети, – и убьет нас, если вы не уберете ее!» Подобное заявление потрясло родителей и вселило в их умы предположение о порче, причин для которой в отношении себя и своих детей они обнаружить не могли. Им было трудно их представить, поскольку они совсем недавно

⁸ Элизабет (родилась в 1579 г.) и Мэри (родилась в 1578 г.)

переселились в этот город, всего лишь на прошлый Михайлов день [29 сентября 1589 г.], и, по их представлению, они не дали ни единого повода ей или кому-либо другому для злокозненных действий против себя.

Еще менее чем через месяц другая сестра, самая младшая из всех, в возрасте девяти лет⁹, также впала в тот же недуг и закричала на мамашу Сэмуэл подобно тому, как делали другие.

А вскоре мисс Джоан, старшая из сестер, в возрасте около пятнадцати лет¹⁰, оказалась в том же состоянии. Еехватило даже хуже, чем других, поскольку она была сильнее и дольше, чем остальные, сопротивлялась этому Духу, который одолеть не смогла и была мучима более тяжело. Это заставляло ее чихать, визжать и стонать в высшей степени ужасно, порою вынуждая ее живот вздыматься и сотрясая ее тело с такой силой, что если бы ее не удерживали на кровати, то она могла страшно искалечиться. Почасту припадок случался, когда она сидела на стуле, а ее судорожные корчи и вздымания буквально грозили его разломать.

И не было никакой возможности бороться с этим. Чем более им пытались помочь и удержать, тем более жестоко недуг их одолевал, лишая всяких чувств во время припадков: они не могли ни видеть, ни слышать, ни ощущать своих тел, но только кричать на мамашу Сэмуэл, требуя убрать ее от них,

⁹ Грейс (родилась в 1582 г.)

¹⁰ Джоан (родилась в 1574 г.)

хотя она никогда более не приходила, узнав, что попала под подозрение.

Припадки такого рода одолевали когда долго, когда коротко, иногда час, иногда два, бывало, полдня, а то и целый день, и нередко случалось, что припадков было шесть или семь за час, а когда Богу было угодно позволить им очнуться, то они не помнили, что говорили, и даже что вообще происходило, о чем будет рассказано далее.

После того, как мисс Джоан прихватывало так некоторое время, Дух, как казалось, сообщал ей нечто, что она объявляла во время своих припадков, и, среди прочего, он явил ей как-то раз, что их будет двенадцать, тех, кого так или иначе околдуют в этом доме, и назвал их всех, а именно: всех женщин, домашних слуг, ее саму и остальных сестер, всех пятерых. Все это впоследствии полностью подтвердилось, и на них всех обрушились ненастья, причем у большинства они были такого же рода и свойства, как у пяти сестер, и если описывать случившееся с каждым, ровно как силу его веры, то не будет конца этой книге.

О слугах будет достаточно знать, что когда они впервые впадали в припадок, то все кричали о мамаше Сэмуэл подобно тому, как и те дети, требуя убрать эту миссис вон, убрать ее ради Бога, сжечь ее, потому что она, если оставить ее в покое, убьет их всех, заставив страдать и мучиться, подобно тому, как это происходит с девочками. Когда припадки оканчивались, то они так же, как и дети, не могли вспомнить

ровным счетом ничего, о чем говорили и что делали. Потом, после их отъезда из дома сестер Трокмортонов, они чувствовали себя хорошо, как прежде, и не имели никаких подозрений о причинах этих неприятностей, а те слуги, что пришли на их место, по большей части оказывались поражены тем же недугом, что и все другие на протяжении двух лет.

Свидетельства Гилберта Пикеринга

В пятницу, в канун дня Св. Валентина, 13 февраля, на 32-м году правления Ее Величества [1590 г.], Гилберт Пикеринг из Тичмершской роши¹¹ в графстве Нортгемптон, эс-квайр, дядя упомянутых детей¹², прослышав, как они престранно мучились и страдали, отправился в Варбойс, чтобы повидаться, навестить их, а также успокоить их родителей. По прибытии он обнаружил всех в прекрасном самочувствии, как и должно быть детям. Спустя полчаса названному господину Пикерингу сообщили, что мисс Эндли, господин Виттл из Сент-Айвс с другими отправились в дом мамы Сэмуэл, чтобы уговорить ее зайти повидаться и навестить упомянутых детей. Однако, поскольку они оставались там слишком долго, названному господину Пикерингу показалось, что убедить ее не получается, хотя мамаша Сэмуэл

¹¹ Речь о поселении Тичмерш в Восточном Нортгемптоншире, название которого сейчас пишут как *Titchmarsh*, но в нашем тексте обычно *Tichmersh* и в сочетании с *grove*, роша. При этом слова *Tichmersh* и *grove* зачастую отпечатаны разным шрифтом, то есть речь не об одном топониме. Под Тичмершгроув, Тичмершской рошей, судя по всему, подразумевалась главная усадьба поместья семьи Пикеринг. Этот манор-хаус до наших дней не сохранился. Известно, что он был очень просторным и располагался на участке, непосредственно примыкавшем к местному собору. Его возвели в конце XVI в., а снесли в 1771 г.

¹² Гилберт Пикеринг (ок. 1551 – после 1612) – помещик из Тичмерш, Нортгемптоншир, старший брат Элизабет Трокмортон, супруги Роберта Трокмортона.

часто заверяла, что поспешит к детям, как только их родители пошлют за ней, глубокие воды пройдет и лучшую кровь отдаст, чтобы им стало лучше. Теперь было похоже, что ее мнение изменилось. Причиной этого, можно предположить, были слова детей, которые, как говорилось ранее, во время припадков кричали, что она их околдовала. Также она опасалась, что ее, как принято в таких случаях, поцарапают, хотя ничего подобного тогда не планировалось, поскольку оба родителя и упомянутый господин Пикеринг полагались на мнение добрых богословов о незаконности таких действий¹³.

Так упомянутый господин Пикеринг отправился в дом мамы Сэмуэл, чтобы увидеться с ней и убедить ее, что если она стала причиной детского беспокойства, то могла бы все исправить. В том доме он застал вышеупомянутых господина Виттла, мисс Эндли и других, которые уговаривали старуху посетить детей, но та очень громко и резко отказалась. Тогда упомянутый господин Пикеринг сказал мамаше Сэмуэл, что ему поручено доставить ее, и если она не пойдет с ним по собственной воле, то он заставит и принудит ее, хочет она того или нет. Так он и поступил, прихватив еще ее дочь Агнес Сэмуэл и некую Сесилию Бёрдер, которых также подозревали в колдовстве или, по крайней мере, в сговоре с мамашей Сэмуэл.

¹³ Английские народные представления предполагали, что от колдовского заклятия можно избавиться, оцарапав ту, что его наслала, ведьму; ответить насилем на насилие и выпустить немного крови инициатора злых козней.

Когда они следовали к упомянутому дому господина Трокмортонна, господин Виттл, госпожа Эндли и остальные шли впереди, перед мамашей Сэмуэл, Агнес Сэмуэл и упомянутой Сесилией Бёрдер, а господин Пикеринг за ними.

Упомянутый господин Пикеринг подозревал, что старая мамаша Сэмуэл захочет переговорить со своей дочерью Агнес, но он следовал за ними так близко, что перемолвиться они не могли. Когда подошли к дверям дома господина Трокмортонна, мамаша Сэмуэл вежливо предложила господину Пикерингу пройти первым, но тот отказался. Она хотела при входе в дом (или потом, или около того) улучшить момент для разговора с дочерью. Мамаша Сэмуэл склонила голову как можно ближе к голове дочери и сказала следующие слова: «Я заклинаю тебя, не признавайся ни в чем». Поскольку господин Пикеринг, находясь за ними, ожидал этого, то при произнесении слов вытянул голову так, что все слышал, и немедленно сказал старой мамаше Сэмуэл: «Греховная бабенка! Ты приказала дочери ни в чем не признаваться?!» «Нет! Не так! – ответила та. – Я поручила ей поторопиться домой готовить ужин отцу».

Пока они пререкались, господин Виттл, мисс Эндли и другие вошли в дом. Трое из сестер были тогда в холле у очага и в отличном самочувствии, но только в холл вошла мамаша Сэмуэл, они тут же упали на пол в престранных муках, так что если бы им позволили лежать дольше, они прыгали бы и скакали, подобно только выловленным щурятам. Будто

у акробатов, их животы вздымались, когда головы и пятки еще касались земли. Руки выбрасывались в стороны, когда головы с пятками продолжали тянуться далее и смыкались. Происходящее сопровождалось очень странными громкими стонами к великому горю присутствующих.

Господин Виттл почти сразу подхватил одну из упавших девочек, Джейн Трокмортон, и отнес во внутреннюю комнату, уложив на кровать, но, будучи подобен сильнейшим людям в нынешней Англии, не мог ее, едва достигшую девяти лет от роду, там удержать. Живот ребенка вздымался с такой силой и так высоко, будто у беременной, готовой разродиться. Плотностью он был подобен только испеченному огромному хлебу. И, подобно ему, сотни раз на протяжении часа поднимался и опускался. Ее глаза были закрыты, будто у слепой, а руки раскинуты в стороны столь сильно и неколебимо, что человеческой силой невозможно было свести их к телу. В это время в комнату, где находился упомянутый ребенок, вошел господин Пикеринг и остановился у дальней стороны кровати так, чтобы видеть состояние девочки. В то же мгновение она протянула правую руку к тому месту, где находился упомянутый господин Пикеринг, и начала царапать поверхность кровати, очень часто приговаривая: «О, так я ее! О, так я ее!» Господин Пикеринг сильно удивился тому, на что намекали эти слова. И хотя упомянутый господин Гилберт Пикеринг придерживался мнения, что царапанье буквально ничего не значит, он подложил под руку ре-

бенка свою, когда тот это приговаривал. Но девочка, почувствовав, не тронула ее, но, отстранив, продолжила царапать кровать. При этом ее лицо было повернуто в противоположную от упомянутого господина Пикеринга сторону, глаза закрыты, а живот, из опасения, что у нее может надломиться спина, удерживал господин Виттл, навалившись на нее всем своим телом и весом.

Таким образом, обстоятельства, указанные действиями ребенка или, скорее, Духом в нем, выявили некий секрет, через который ведьмы могут быть определенными средствами или приметам выявлены и опознаны. Упомянутый господин Пикеринг отправился в холл, взял за руку мамашу Сэмуэл, которая пошла так же охотно, как медведь к столбу¹⁴, и отвел ее к дальней стороне кровати ребенка, который, лежа, ногтями царапал поверхность своего ложа, приговаривая: «О, так я ее!» Затем упомянутый господин Пикеринг очень вежливо (так, чтобы ребенок не мог слышать) попросил мамашу Сэмуэл подложить руку к руке ребенка. Но та не захотела. Тогда упомянутый господин Пикеринг, примера ради, положил свою руку к руке ребенка, и так же немедленно поступили мисс Эндли и другие, но ребенок едва прикоснулся к ним и, тем более, никого не поцарапал. Затем упомянутый господин Пикеринг без какого-либо злого умысла к этой женщине, предвзятости, или веры в царапанье (про-

¹⁴ Имеется в виду традиционная английская забава – травля медведя. Медведя привязывали к столбу и травили собаками.

сто чтобы проверить этим испытанием то, к чему клонили слова ребенка) взял руку мамы Сэмуэл и подsunул ее к руке ребенка, который сразу почувствовал что-то не то. Девочка немедленно оцарапала ее с исключительной страстью: ее ногти проделали борозды с такой силой и невероятным желанием, будто это была месть.

Когда ребенок так царапался, упомянутый господин Пикеринг прикрыл руку мамы Сэмуэл своей, проверяя, что же будет делать ребенок в такой необычной ситуации. Но ребенок не оцарапал его руки и, прощупывая кровать туда-сюда, пропускал ее, но если каким-то образом доставал или хотя бы одним пальцем касался руки мамы Сэмуэл, то царапал только ее и ничего другого. Еще иногда, когда упомянутый господин Пикеринг рукой накрывал руку мамы Сэмуэл, названный ребенок просовывал один из пальцев между пальцами упомянутого господина Пикеринга и царапал руку мамы Сэмуэл лишь им одним, причем остальные пальцы неподвижно лежали на руке упомянутого господина Пикеринга. И в этой напасти, если в какой-то момент рука мамы Сэмуэл была скрыта или отнята от девочки, она начинала плакать и выказывать несомненные признаки неудовольствия, как будто была проявлена некая большая неучтивость.

Следует отметить с совершенно определенной точностью, поскольку такие свидетельские показания дал упомянутый

господин Пикеринг на Выездном суде¹⁵ в Хантингдоне, что глаза ребенка были закрыты, так что он никого не мог видеть, что было обычным для тех припадков. И хотя в таком положении она имела возможность смотреть, но и голова, и шея девочки были повернуты назад, к груди господина Виттла, который накрывал (как говорилось ранее) своим телом ее голову, лицо и все тело так плотно, что ребенку было невозможно увидеть тех, кто стоял с другой стороны кровати.

Совершив все это, упомянутый господин Пикеринг отправился оттуда в соседнюю комнату, где одна женщина держала другого ребенка, который, когда упомянутый господин Пикеринг проходил, царапал передник той женщины, в котором его держали, приговаривая: «О, так я ее! О, так я ее!» Затем упомянутый господин Пикеринг прошел в холл и отвел Сесилию Бердер к указанному ребенку, и, коротко говоря, поступил с ней так же, как с мамашей Сэмуэл и первым из детей. И так же, как первый ребенок с мамашей Сэмуэл, так в точности произошло у второго с Сесилией Бёрдер¹⁶.

Кроме того, в холле находился третий ребенок, который

¹⁵ Выездной суд (в тексте всегда Assize; Ассизы) – система правосудия, существовавшая в Англии в период с конца XII в. до 1971 г., когда дважды в год королевские судьи объезжали графства для вынесения решений по спорным делам. Страна была разделена на шесть округов, на которые выделялось по два судьи. Обычно их объезд длился около четырех недель. Эта работа оплачивалась из казны плохо – только £20 в год. Основной доход судей составляли подарки и подношения на местах.

¹⁶ Хотя первоначально подозревалась в колдовстве, впоследствии Сесилия Бёрдер (Cicely Burder) не упоминается.

говорил то же самое, но отец этих детей и господин доктор Дорингтон, священник этого прихода¹⁷, вошли тогда в дом и не позволили что-либо предпринять, почему случай с третьим ребенком не был доказан.

Тем вечером после ужина дети чувствовали себя хорошо, и в связи с их припадками господин доктор Дорингтон предложил прочитать несколько молитв перед тем, как всем разойтись, а потому все присутствующие опустились на колени. Доктор Дорингтон начал молиться, но только он произнес первое слово, в тот же момент со всеми детьми случился припадок с ужасным визгом и странным чиханием. Они мучились так странно, будто их должно было разорвать на части, что вынудило доктора Дорингтона остановиться посередине молитвы и сказать такие слова, что мы лучше последуем дальше. Но как только он остановился и его дыхание унесло молитву, то дети стихли (хотя все еще были в припадках). А затем, когда он начинал молиться снова, то и дети или, скорее, злой Дух в них, вынуждены были терзаться опять. И это происходило постоянно во время молитвословия: когда он делал паузу в какой-то молитве, то и дети затихали; когда он начинал молиться, то и они начинали визжать; когда он заканчивал, и они заканчивали.

На следующий день, когда был день св. Валентина, упо-

¹⁷ Френсис Дорингтон (Dorington; ум. 1611), отучившись в Кембридже, с 1565 г. и до конца жизни был приходским священником в Варбойс. В 1567 г. он женился на Мэри Трокмортон, одной из сестер Роберта, то есть приходился «околдованным» девочкам дядей.

мянутый господин Пикеринг забрал в свой дом в вышеупомянутой Тичмершской роще одного из упомянутых детей, а именно Элизабет Трокмортон, которая находилась в припадке, но пока ехала верхом из города Варбойс, чувствовала себя хорошо, и так было, пока она не вошла в упомянутый дом господина Пикеринга. Только она вошла, как у нее случился приступ. Внезапно она стала задыхаться и лишилась речи. Только это случилось, она откинулась назад, все ее спинные суставы вытянулись, будто сомкнувшись, вытолкнув живот так сильно, что никто, даже самый крепкий и тяжелый, не мог согнуть ее обратно. Конечности у нее тряслись, а часто и голова, вытягиваясь очень высоко. Но особенно тряслись ее руки, подобно тем, кто барахтается в борьбе между жизнью и смертью. Она онемела, оглохла и ослепла. Ее глаза были закрыты. Тогда это продолжалось не более четверти часа. Задыхаясь, она пришла в себя, протерев глаза, будто все было лишь сон.

Порой, впадая в припадок, она лишалась только слуха, но могла говорить, или, вернее (как мы полагаем), Дух в ней мог говорить, хотя и совершенно бессвязно. Или она могла видеть, но с некоторым мерцанием, хотя на вид казалось, что она вообще ослепла. Временами она только слышала, но не каждого, а лишь тех, кто ей нравился и кого она выделяла из остальных. В другой раз она только видела и столь же ясно, как и любой другой, но не слышала и ничего не говорила. Ее зубы оставались на месте, но иногда, хорошо видя и

слыша, она была не в силах вымолвить слово. Впрочем, она наслаждалась игрой. Для игры в карты она выбирала кого-то только одного, не слушая, не видя или не разговаривая ни с кем другим, а очнувшись, ничего не помнила, что делала, слышала или говорила, утверждая, что это был не недуг, но просто сон.

До вечера она чувствовала себя хорошо, но перед ужином, во время благодарения, болезнь досаждала ей очень странно, прихватывая в начале молитвы и удерживая не дольше, чем произносили молитву. За столом она сидела вполне здоровой, но только подняла нож, как ее отбросило назад. Когда ее забрали из-за стола, она чувствовала себя хорошо вплоть до молитвы благодарения, во время которой, но не дольше, исключительно неистово мучилась. Позднее она была очень спокойна и тиха вплоть до призыва к молитве, во время произнесения которой все время казалось, будто ее рвет на куски, с таким визгом, криками и ужасным чиханием, что пугались все присутствующие. Только молебен заканчивался, она стихала, хотя все еще оставалась в припадке.

Тогда господин Пикеринг и другие, ознакомившись с этими симптомами, решили, что если кто-то перед ней читает Библию или какую-либо другую благочестивую книгу, то это вызывает неистовство до тех пор, пока читают. И поскольку это было очень странно, а потому сложно поверить, то кто-то взял Библию и прочитал первый стих первой главы [Еван-

гелия от] Святого Иоанна¹⁸. Слушая, она была будто безумной, но когда читающий делал паузу, успокаивалась. Когда он продолжал, ее мучило, а когда прерывался, мучения отступали. Такие перемены были подтверждены многократно.

Более того, при произнесении любого доброго слова, даже когда кто-то случайно в стороне упоминал имя Бога или молил Бога о благословении ее, или произносил любое слово, имеющее отношение к Богу и благочестию, в ней начиналось неистовство, будто она сама читала или молилась. Затем ее относили в кровать, где она все еще оставалась в припадке.

В субботу утром она спустилась в холл ко времени молитвы. Ее спросили, останется ли она на молебен или нет. Она ответила, что будет делать то же, что и все, а затем спросила, может ли она почитать, и сказала, что когда-то все знала, но теперь почти забыла. Тогда ее спросили, молилась ли она сегодня, на что она ответила, что ей не было позволено этого. А на вопрос, привычно ли для нее молиться дома, ответила, что не имеет на это достаточно времени. Тогда кто-то сказал ей, что если ей не позволено молиться или что-то подобное, что слышат уши, то она может молиться тайно, в сердце и душе. И начал разъяснять ей, что Бог воспринимает внутренние вздохи и стоны сердца ровно так же, как самые громкие крики из уст. Тут с ней внезапно случился припадок с мучениями более сильными и странными, чем когда-либо

¹⁸ Первый стих первой главы Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

прежде. А когда ее унесли, то припадок продолжался и нарастал все время молитвы, хотя она слышать ее не могла. Неистовые ее крики, визг и непрерывное чихание неоднократно вынуждали прерывать молитву, что сильно впечатлило всех присутствовавших. Когда молитвословие закончили, она, со вздохом вытирая глаза, пришла в себя, став такой же, как и все, будто с ней ничего не происходило.

Она спустилась к обеду, и с началом молитвы ее снова прихватило (как обычно), хотя стоит сказать, что больше страдала молитва, чем она сама, но всем было нехорошо. Во время обеда ее прихватывало, и с ней порой случались забавные припадки. То ее руку проносило мимо еды, а то еду мимо рта, дразня и не позволяя попасть в рот, отчего она то улыбалась, а то сильно смеялась. И среди прочего стоит отметить, что, будучи в припадке, она выглядела более милой и радостной, чем когда пробуждалась от него. Впрочем, вид ее, мучимой даже в очень слабой мере, огорчал любого. Вне припадка или очнувшись от него, она выглядела как все.

Наконец господин Гилберт Пикеринг вспомнил приметку, опробованную в Варбойс, согласно которой, если взять кого-то из детей в припадке и отнести на примыкающий к дому церковный двор, то он тотчас пробудится. Если же отнести обратно, то станет как прежде, а если вынести наружу, то придет в себя. В доме же ребенка немедленно прихватывало. И это было проверено так часто, что может считаться доказанным. Поэтому мы решили поступить так и сейчас, взяли

девочку и вынесли из дома. Она немедленно выздоровела. Но в доме ее прихватило опять.

Впрочем, уверенность вскоре подвела нас (поскольку Сатана исключительно непредсказуем), хотя на протяжении трех дней, если ее в припадке выносили из дома, то он покидал ее и не возвращался, пока ее не приводили обратно. Тогда мы радовались, воздавая великую хвалу Богу за такое временное избавление детей. В связи с этим у присутствовавших возник вопрос, что думать о происходящем. Некоторые говорили одно, другие другое. В конце концов решили, что этому Духу не было поручено досаждать ей за порогом, поскольку он всего лишь раб злого замысла, который его сдерживает. Подобно тому, как Ангел Божий сказал Лоту: «Я не могу сделать дела, доколе ты не придешь туда» [Быт. 19:22], – так и ангелы Сатаны не могут выйти за пределы своих поручений. Но как только такое мнение оформилось и было высказано, описанная примета немедленно дала сбой. Теперь, наоборот, когда она была за порогом, то вопила, и можно было подумать, что ее рвет на части и вконец изничтожает, что изумляло и пугало более, чем при виде ее.

Будет слишком долгим описывать все хитрости и коварства Сатаны в искажении и покорении частей и сочленений этого дитя, но про некоторые новомодные проделки того, кто является князем мира сего и зачинщиком новых манер, следует сообщить.

Далее следуют наблюдения за определенные дни.

С 16 февраля до 26-го [1590 г.] ее прихватывало обычно по пять или шесть раз в день, бывало по десять, иногда дважды, а то и раз, но не до ночи. 17 февраля она постоянно прерывисто задыхалась, а на вопрос о причинах ответила, что ее к этому принуждают. Затем она пыталась бороться с этим, закрывать рот и сопротивляться, но удержаться не могла, пока, в конце концов, после длительной борьбы и состязания, не победила, но не ранее, чем услышала в ушах, что этот Дух, как мы и думали, был духом воздушным. Он входил с дыханием и выходил через него. Это был обычный признак ее пробуждения от припадка и выздоровления, когда она растягивала руки, часто и долго вздыхала, слегка протирая глаза. И как только она прекращала вздыхать, то тогда можно было считать, что она очнулась от припадка.

26 февраля она читала и пела псалмы, чувствуя себя хорошо весь день вплоть до вечера, когда у нее случился припадок. Она, в ужасе и слезах, стала кричать о вышеупомянутой мамаше Сэмуэл, что та засовывает ей в рот мышь, а то и кошку, лягушку, и иногда жабу, хлопая в ладоши перед своим ртом. Внезапно в этом кошмаре она вырвалась из рук, которые ее удерживали, и выбежала в дверь в другую комнату, где ноги вдруг ей отказали. Она была подхвачена той, что

следовала за ней, продолжая кричать про мышь: «Мамаша Сэмуэл, я не буду твоей мышью!» После этого она вообразила, что мышь находится у нее в утробе.

27 февраля она чувствовала себя в целом хорошо, но была в припадке весь день. Она бодрствовала, но при каждом втором слове кивала, будто ее клонило в сон. Многократно, и с едой во рту, и когда делала что-то, она кивала головой и так клонила ее ниже и ниже с каждой минутой. Это состояние дремы, будто во сне, но без сна, продолжалось почти два дня.

28-го, если прежде ее выгибало назад, то теперь согнуло вперед, притягивая к земле, будто вставая на голову и выворачивая руки назад. И если кто-то пытался выпрямить ее, она орала на присутствующих, опасаясь, что ее суставы разорвутся. И никто не решался силой изменить ей стойку.

1 марта во время обеда она вдруг начала очень болезненно чихать. Чихала почти сорок раз кряду и так быстро, что невозможно было сосчитать. Из-за этого у нее пошла кровь носом и горлом. Ночью, будучи в постели, она впала в припадок более жестокий, чем все прежние. Проливая слезы со всхлипами и вздохами, жалостливее которых трудно вообразить, плача и не имея возможности успокоиться (ее рассудок был полностью парализован), она говорила, что теперь ведьмы убьют ее отца, изничтожат ее со всеми сестрами. Это продолжалось более двух часов, после чего у нее во сне случилось сильное кровотечение: не менее пинты вылилось из

ноздрей и рта.

Проснувшись утром, она ничего не помнила, даже того, что вообще шла кровь. 2 марта все припадки у нее были веселыми, исполненными, как часто случалось, задорного смеха, такими грубыми и чрезмерными, что если бы они были осознанными, то за них было бы стыдно. Они состояли из легких шуток и веселых проказ собственного изобретения, вынуждающих всех вокруг и ее саму сильно смеяться. В этом приступе она выбрала одного из своих дядюшек, чтобы поиграть в карты. Желая положить припадкам конец, [он согласился,] и они стали играть. Вскоре после принесли книгу и положили перед ней, отчего ее немедленно отбросило. Как только книгу убрали, она тут же выправилась и продолжила игру. Это проверялось и подтверждалось несколько раз.

Во время игры в карты ее глаза были почти полностью сомкнуты, но скрытно кое-что подсматривали. Она видела карты, но ничего более; она узнавала своего дядю, но никого другого; она слышала его и отвечала, но только ему; она замечала, когда он нарушал правила игры и крал ее фишки или карты, но любой другой мог вытащить их из ее рук – она бы ничего не увидела и не почувствовала. Порой она выбирала кого-то другого, кого видела и слышала: иногда маленького ребенка, но не более чем одного на один припадок.

5 марта она впала в горестное состояние и очень захотела домой к отцу.

Шестого числа [марта] в Тичмершскую рошу прибыл один

из людей ее отца, которого она часто просила, чтобы отвез ее к родителю в Варбойс, говоря, что знает, что как только они пройдут полпути, ей станет лучше. Желая это проверить, он повез ее на лошади в Варбойс. И едва отъехав на дальность полета стрелы, на берегу пруда она очнулась, удивляясь, где она, и ничего не понимая. Однако как только лошадь повернули обратно, она немедленно снова впала в припадок. Это было неоднократно проверено и доказано и может считаться неопровержимым. Спустя три дня и позднее, когда ее доставляли к этому пруду (поскольку многие гости хотели видеть ее вне припадков и в добром здравии), она пробуждалась и чувствовала себя хорошо, но лишь только ее лицо оборачивалось вспять, ее прихватывало снова.

8 марта она заразилась новой манерой походки древней старухи, могла нормально пройти два шага, но на третий резко останавливалась и склоняла спину с головой вплоть до коленей. Однажды, сидя у огня, она внезапно вскочила, сказав, что направляется в Варбойс. Остановлена она была в дверном проеме, где ударила лбом о замок, отчего выросла шишка размером с грецкий орех. Потом, когда ее отнесли к пруду, и она очнулась, то спрашивала, как же это ее лицо так сильно пострадало. Оставшуюся часть дня она чувствовала себя хорошо, забавляясь с компанией детей в шары и другие игры, и чем более глупыми были игры, в которых она участвовала, тем более Дух щадил ее. Но как только возникло предложение вернуться в дом, ее тут же прихватило, да

так, что припадок не покидал ее и в стенах дома на протяжении двенадцати дней. С ним она ела и пила, но ничего не видела, не слышала и не понимала, совершенно лишившись памяти. Однако она говорила, или, скорее, Дух в ней.

9 марта она не могла ходить и хромала, потому что одна нога вытянулась и не могла ступней коснуться земли. Когда ее отнесли к пруду, она очнулась, и нога выправилась. То же происходило другие три дня, хотя она все же ходила, но только дома на одной ноге.

10-го числа, выпив немного молока, она затихла и прислушалась (как часто делала прежде), спросив, слышит ли кто-нибудь, как Дух в ее животе жадно глотает молоко, которое она только что выпила. Затем она стала испытывать неприязнь ко всему дурному и наслаждаться чтением, говоря, что этот Дух в ней любит все недоброе. Поэтому она сожгла все карты, которые смогла найти. Она читала, когда могло показаться, что она даже книги не видит. Иногда у нее буквально закрывались глаза, иногда вяз язык, иногда стискивались зубы, а иногда книга отшвыривалась, особенно на каких-то добрых словах. Если ей удавалось книгу поймать и, сопротивляясь, удерживать, то она почасту хлопала ей по лицу, пока могла видеть. Порой в ходе чтения ее отбрасывало назад и раздувало живот таким странным образом и в такой манере, что два здоровых мужчины не могли удержать ее, так что она сама на себя жаловалась, приговаривая: «Никто удержать меня не может, а ребенку-то и десяти лет нету».

11-го числа кто-то случайно спросил ее или, вернее, Духа в ней: «Любишь ли ты слово Божие?» После чего она мучилась беспокойством и волновалась. Но если [спрашивали:] «Любишь ли ты колдовство?», то она казалась довольной. А «Любишь ли ты Библию?» – опять ее трясло. Но «Любишь ли ты папство?» – тишина. «Любишь ли ты молиться?» – беснуется. «Любишь ли ты мессу?» – безмолвие. «Любишь ли ты Евангелие?» – у нее снова вздувается живот. Так, все, что упоминалось доброе, вызывало раздражение, а все, что касалось презренного папы Римского, кажется, было приятным и умиротворяло.

На двенадцатый день [марта] ее отнесли к пруду, но приступы продолжились, потому что нет правды у Источника лжи и веры ему.

В 13-й, 14-й и 15-й дни [марта] она провела время в тяжелом припадке.

16-го [марта] после полудня она внезапно вскочила и побежала оттуда, где была, но по пути очнулась. В пять часов ее прихватило опять, и так до трех часов следующего дня. А в пять прихватило снова. И так же на третий день. Уже за ужином она очнулась, и кто-то сказал: «Спасибо Господу!» Из-за этих слов она опять обратилась в припадок.

Следует заявить, что, как это будет далее абсолютно достоверно описано, малышка Элизабет Трокмортон, оставаясь в Тичмершской роще, каждый месяц с марта по июль [1590 г.] подвергалась телесным страданиям, которые мы на-

зывается припадками из-за их разнообразного характера. Так что, начиная с их первого проявления, она никогда не была от них свободна и полностью чиста, как могло показаться, поскольку в некоторые месяцы такой припадок случался лишь раз. В связи с тем, что потом явилась новая напасть и иначе покусилась на нее, сейчас мы детально опишем, как обычно ее прихватывало [в эти месяцы].

По форме, как вы читали, это было очень странно. Подступало чаще всего с живота, который сильно набухал и вздымался. Оттуда поднималось к горлу, задерживая дыхание, производить которое приходилось с большим усилием и напряжением. При этом у нее вязнул язык и сжимались зубы. Далее доходило до головы, которая начинала трястись, будто в судорогах, парализуя все члены и лишая чувствительности. Случалось, что все то же самое вступало с предплечий и рук. Иногда в одном месте, чаще всего во многих, а то и во всех местах сразу. По продолжительности это бывало долгим и кратким, легким и бурным (как Богу угодно), но изначально очень переменчивым и лишенным ясного порядка взаимодействия.

Теперь, 29 июля 1590 года, у нее был приступ с полудня до самой ночи, когда она спала большую часть времени. Кроме тридцати обычных, у нее днем было три необычных припадков, которые сводили ее в кровать. Впрочем, все они были легкими, без каких-либо бурных резкостей или безудержного чихания, как прежде.

2 августа после обеда она внезапно, как зачастую и ранее, впала в свой характерный припадок. В этот раз она не была настолько вольна, чтобы сообщить о его приходе, как прежде обычно и очень спешно поступала и в последний раз буквально накануне. Приступ случился сильным и мучительным. Под конец она заснула и проспала до ужина. Пробудившись, была очень больной и жаловалась, что прихватывает сердце и живот.

Действительно, поражало, как сильно это досаждало ей. В таком болезненном состоянии она оставалась три последующих дня. Ела очень мало, но все же без каких-либо видимых признаков опухания или других беспокойств. Так вплоть до пятого числа, когда у нее произошло несколько небольших подергиваний, после чего она пробудилась, однако не перестала жаловаться на недомогание и боль в сердце и животе.

Тем не менее, на следующий день утром вся боль исчезла, и она охотно накинулась на еду, чувствуя себя хорошо, как когда-то прежде. Но Сатана, злобный дух (а это, без сомнений, он беспокоил ребенка), завидовал длительности ее доброго самочувствия. Тем же вечером перед сном с ней случилось два тяжелых припадков, из-за чего многими слезами протекли ее глаза, как и глаза тех, кто был рядом. Такой ее отнесли в кровать, а следующим утром обнаружили в [том же] состоянии. В припадке же она оставалась весь день, лежала в своей кровати как в полудреме, ела и пила, говорила очень мало, но иногда сообщала, что хочет в Варбойс, по-

скольку там ее сестрам хорошо (как она сообщала), и называла некоторых по именам. Когда она бывала вне припадка, то не испытывала желания сменить Тичмершскую рошу на какое-либо другое место.

На следующий день, 13 августа, ее подняли в состоянии припадка и приготовили, но когда она собралась идти, одна из ног пристала к телу почти как ступня к полу. Так она и сидела на стуле весь день, получая в назначенное время пищу, которую ей подносили. Выражение лица у нее не менялось, будто в трансе, было лишено чувств и движений, да и жизни (на вид), которая поддерживалась дыханием. Все же она старалась (хотя не могла ни слышать, ни видеть, ни говорить) поднимать руки после приема пищи (который не пропускали) в легком жесте благодарения, поскольку это было приятно тем, кто был рядом.

14 августа ее вынесли на открытый воздух, чтобы посмотреть, придет ли она в себя, как бывало иногда раньше. Но никаких изменений не последовало: за порогом она осталась такой же, как дома. И теперь начала жаловаться на ту сторону, к которой была притянута нога. Если кто-то там прикасался, она хныкала и стонала, как будто это была язва, хотя внешне не наблюдалось никаких повреждений. Если же прикасались к ней с другой стороны, она комично смеялась и выглядела веселой. И она не вымолвила ни единого слова за все время с этого дня до 8 сентября, поскольку весь месяц находилась в таком состоянии апатии. Многое [за это время]

стоит припомнить. Иногда она просеивала с утра до вечера и печалилась, когда у нее отбирали работу. Иногда пряла пряжу или вязала, и при этом никогда ни лицо, ни глаза не выражали недовольствия. В некоторые дни она снова бывала веселой и живой, во многом находя удовольствие, забавляясь с кузенами и кузинами (детьми в этом доме) во что-то легкое и детские игры, в которых коротает время ребятня. И все в том же состоянии, как если бы была такой, как любой из них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.